

Н.А. Власенко. РАЗУМНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ. М.: “ИНФРА – М”, 2014. 157 с.

Вышла в свет новая монография известного специалиста по теории и философии права Н.А. Власенко. “Разумность и определенность в правовом регулировании”. Автор книги – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий отделом теории Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Данную работу отличает фундаментальность, философско-теоретическая глубина исследования при относительно небольшом текстовом объеме, ясность поставленных задач и предложенных автором их конкретных решений.

Структурно монография включает в себя три главы: разумность и право (гл. 1), определенность как цель правового регулирования (гл. 2), определенность права и судебная практика (гл. 3), объединяющие восемь параграфов, подразделенных в свою очередь на разделы (например, категории “определенность” и “неопределенность” в истории философии – с. 54, 55, “определенность” и “неопределенность” как категории права. Абстрактность и неопределенность в познании права – с. 55, 56, уровень исследования определенности и неопределенности права современной юридической наукой – с. 56–59, конкретизация как способ перехода от неопределенности к определенности в праве – с. 75–77 и след.).

Автор анализирует многочисленные проблемы кризисных явлений в праве: нарушение баланса правовых и неправовых методов регулирования; кризисы в юридической науке, в международном праве и международной юстиции; как следствие этих процессов – снижение роли закона в обществе при обилии нормативного правового массива и низкое качество правоприменения. «Практика законодательных инициатив и особенно спешно принимаемых законов свидетельствует о сложившейся негативной тенденции решения того или иного вопроса исключительно посредством принятия законодательных актов. Тенденция “тиражирования” законов девальвирует их значение и роль; неприемлема и часто встречающаяся ситуация, когда закон подменяет подзаконные или ведомственные акты, особенно в случае содержания в нем чрезмерно детализированного регулирования общественных отношений... Изобилующая декларативность положений закона также умаляет его значение как фундаментального правового регулятора. Закону необходимо вернуть такие его качества, как нормативность и юридическая обязательность» (с. 25, 26).

Для решения задач по выходу из кризиса автор обращается к первоосновам права – разумности и определенности: “разумность права в его определенности, а определенность есть проявление разумности” (с. 11). Функциональное назначение права заключается в процессе придания человеческой жизни целенаправленности и определенности; право – это согласованное решение общества жить по определенным правилам, поэтому и сущность права – в придании общественной жизни заданности, скоординированности и порядка (с. 12).

Монография Н.А. Власенко представляет собой органичное сочетание гносеологии и онтологии правовой материи. В центре внимания автора – главный вопрос: показать, что разум и определенность – это основные и универсальные начала в праве, уходящие своими истоками в глубь человеческого существования. Право должно быть разумным и разумно применяться, что достигается, по мысли автора, стремлением к определенности и ее обеспечению в создании и реализации правовых начал в обществе (с. 15). В работе рассматриваются ключевые механизмы права с помощью категорий неопределенности и определенности в области правопонимания с точки зрения телеологии, с позиции осуществления правосудия.

Анализируя состояние современной юридической науки, Н.А. Власенко отмечает недостаток (отсутствие) в концепциях права серьезной философской базы (с. 60 и след.), что, безусловно, затемняет их содержание. Разные правовые теории и их методологии, справедливо полагает автор, должны быть *изучены*, а не просто суммированы: механическое соединение разнородных объектов исследования не создаст углубленного познания явления. Каждое направление в праве имеет свой угол зрения, под которым изучаются политико-правовые явления, в силу чего своеобразие метода предопределяет специфику предмета каждой теории права. Оценивая распространенный в настоящее время интегративный подход к праву, автор обращает внимание на характерное для этого понимания права удвоение сущности права, которое признается и сторонниками данной теории. Вместе с тем с позиции достижения определенности в понимании права, необходимой для практической жизни, два определения – это по существу уже неопределенность в праве (с. 65). При соединении атрибутов разных школ правопонимания (нормативистской, естественно-правовой, социологических направлений в праве) нарушается принцип методологической определенности, что не способствует движению к поиску глубинных характеристик права (с. 66).

Гносеологическая сложность феномена права заключается в признании рационального и иррационального характера права. В духе немецкой классической философии Н.А. Власенко оценивает понятия разума и рассудка. Автор монографии вслед за Кантом и Гегелем различает эти понятия: понятия рассудка относительны и условны (способность формулировать правила), понятия разума – абсолютны и безусловны (способность создавать принципы). «Философские категории “рассудок” и “разум” тесно взаимосвязаны. Производные от них – “рассудительный” и “разумный” – также взаимоопределены и связаны. Между тем, несмотря на взаимосвязанность понятий “рассудок”, “разум” и производных от них, эти понятия, несомненно, не идентичны. И это важно для понимания категории “разумность” в праве и правовом регулировании» (с. 42). С одной стороны, право – часть духовной жизни человека (разум человека – источник права), с другой стороны, право – социальное явление, важный регулятор общественных отношений (конкретные отношения

всегда индивидуальны и поэтому иррациональны) (с. 42 и сл.). Автор решает эти вопросы с помощью категорий определенности и неопределенности.

Достигнуть универсального, “вечного” определения права невозможно. Поэтому в поисках понятия права в лучшем случае мы можем говорить лишь о степени определенности, максимально приближающей нас к реальной характеристике содержания феномена права (с. 61).

С помощью юридических конструкций, презумпций, фикций, оценочных понятий, правоприменительного усмотрения, судебных правовых позиций в монографии показано значение технических средств достижения определенности правового регулирования. Так, например, в разд. “Неопределенность как позитивное свойство права. Природа неопределенных юридических норм” (с. 69–73) обозначена роль диспозитивности, свободы усмотрения как формы неопределенности в качестве технического средства право-регулирования. “Правовая неопределенность и ее пределы содержатся в системе права в форме относительно определенных норм права и фиксации доступных альтернатив установления верхних и (или) нижних границ возможных вариантов решений, описания определенных условий (временных границ, наступления определенных обстоятельств и др.), что позволяет правоприменителю разрешить спорную ситуацию, используя собственное усмотрение. Такого плана техника правового регулирования представляется оптимальной, справедливой и эффективной при достижении цели правового регулирования” (с. 72).

Данное монографическое исследование не просто возвращает читателей к первоосновам права в контексте истории политико-правовых идей. Работа Н.А. Власенко показывает непреходящее теоретическое и практическое значение понятий разумности и определенности права на всех стадиях проявления этого феномена.

Еще в XVI в. известные мыслители настаивали на необходимости краткости, ясности, немногочисленности законов. По-прежнему актуально звучат суждение Мора о признании справедливым того закона, который прост в толковании, очевидные и для того времени сентенции, что закон не должен затемнять суть отношений – они должны быть доступны для понимания каждого члена общества. Практически востребован в данном контексте афоризм Гегеля: “Что разумно, то действительно и что действительно, то разумно”.

В рамках теоретико-философских конструкций автор уделяет большое внимание оценочным понятиям в области правоприменения. “Оценочные понятия предоставляют субъектам правоприменения определенную свободу в толковании правовой нормы посредством возможности наполнения термина собственным содержанием в зависимости от фактической ситуации” (с. 92). При исследовании этих вопросов Н.А. Власенко подчеркивает большую роль разъяснений содержания нормативных оценочных понятий в актах толкования высших судебных органов (постановления Конституционного Суда РФ, Пленумов Верховного Суда РФ и в прошлом – Высшего Арбитражного Суда РФ), с помощью которых терминологически уточняется содержание и объем оценки в правовом регулировании.

Вероятно, исходя из методологических установок автора, можно еще шире ставить вопрос об использовании в праве оценочных понятий, распространив их не только на область правоприменения, но и на весь спектр правовой материи, включая науку о праве. Право относится к области практического разума, т.е. к сфере постулатов и императивов,

где действуют законы целеполагания. Коль скоро у человека есть сознание и воля, только в социальном мире (в отличие от природы) существуют понятия справедливости и телеологии. Именно в этой области, где идет борьба за справедливость, создаются оценки и ставятся цели. Поэтому для правовой области следует признать необходимыми категории справедливости, разумности, определенности, которые, по сути, все являются оценочными формами мышления. Возникает вопрос о соотношении понятий разума и нравственности. Представляется, что все же понятия разума относятся скорее к гносеологии; категория разумности (здорового смысла) помимо долженствования в чистом виде (нравственности) может иметь и иную мотивацию (например, целесообразность, полезность, привычность, удобство и др.), что, тем не менее, не делает ее менее значимой для правовой сферы. В решении этого вопроса автор, как можно заключить из текста монографии, скорее разделяет подходы философии права Гегеля, который утверждал, что категория здравого смысла относится не к понятию разума, а является рассудочной.

В третьей главе автор ставит задачу обобщить стандарты определенности в правореализации по принципу от судебной к общей правоприменительной практике (с. 119). Решая эту задачу, Н.А. Власенко тщательно анализирует деятельность Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ. В разделах этой главы на основе богатого фактического материала показан феномен права в действии: роль правовых позиций судов в обеспечении точности правового регулирования (с. 113–117), определенность правового регулирования как функция Европейского Суда по правам человека (с. 117–125), неопределенность правовых регуляторов и конституционное правосудие (с. 125–148). Особое внимание автор уделяет поиску критериев неопределенности в сфере конституционного правосудия: насколько правомерно сводить конституционную неопределенность к текстовым дефектам законодательства и пробельности. Конституционно-правовая неопределенность может быть результатом разнопонимания смыслов или конфликтом смыслов (с. 128–133), неясностью смысла (с. 133–135) и др.

В заключении автор обращает внимание на необходимость гибкого правового регулирования. Наряду с правом в обществе существуют другие социальные нормы, которые также регулируют социальные отношения, и без достаточных на то оснований нет необходимости использовать сразу же правовые механизмы. Лишь там, где нравственные и иные регуляторы не приносят ощутимых результатов, следует применять правовой механизм.

Монография Н.А. Власенко отличается ясностью, структурированностью и четкостью изложения материала. Работа снабжена солидным научным аппаратом, что усиливает ее научную ценность.

Представляется, что данная книга проф. Н.А. Власенко будет интересна не только ученым и специалистам в области теории и философии права, но и аспирантам, студентам старших курсов и кругу читателей, интересующихся доктринальными проблемами права.

Елизавета Александровна Фролова,
доцент кафедры теории государства и права
и политологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юрид. наук